

А.Д. Попов
Е.А. Попова*

ОГОНЬ, ВОДА И ЗВОНКИЕ ГОРНЫ:
РИТУАЛИЗИРОВАННЫЕ СИМВОЛИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ
«АРТЕКА» В ПОЗДНЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД**

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-15
УДК 94(47).084.9

Выходные данные для цитирования:
Попов А.Д., Попова Е.А. Огонь, вода и звонкие горы: ритуализированные символические практики «Артека» в позднесоветский период // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 195–206. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-15.pdf>

A.D. Popov
E.A. Popova*

FIRE, WATER AND SONOROUS BUGLES:
RITUALIZED SYMBOLIC PRACTICES
OF ARTEK IN THE LATE SOVIET PERIOD**

Doi:10.31518/2618-9100-2022-6-15

How to cite:
Popov A.D., Popova E.A. Fire, Water and Sonorous Bugles: Ritualized Symbolic Practices of Artek in the Late Soviet Period // Historical Courier, 2022, No. 6 (26), pp. 195–206. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-15.pdf>]

Abstract. The article analyses ritualized symbolic practices characteristic of the All-Union pioneer camp Artek in the second half of the 1950s – 1980s. Using of the concept of “the ritualized symbolic practice”, proposed by the American sociologist D. Knottnerus, allows the authors to get away from the need for a theoretical separation of related concepts “ritual,” “rite,” “custom,” “tradition,” “ceremony” and makes it possible for the first time to consider the whole set of emotionally loaded algorithms (scenarios) of social actions practiced in Artek, implemented in accordance with certain programs (schemes). Another advantage of this approach is the ability to build a hierarchy of Artek ritualized symbolic practices: from intra-group interaction of several people to large-scale events designed for a global audience. As a result, the authors conclude that, despite the very favorable conditions for ideological and educational influence, Artek also showed ambiguous phenomena characteristic of late Soviet society as a whole: excessive ideologization and formalism, “shadow” practices, including those aimed at moving to “zones of deterritorialization”.

Keywords: young Pioneer camp, ritual, ceremony, ritualized symbolic practice, ideology, upbringing, Artek, Soviet Union.

The article has been received by the editor on 01.10.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматриваются ритуализированные символические практики, характерные для Всесоюзного пионерского лагеря «Артек» во второй половине 1950-х – 1980-е гг. Использование концепта «ритуализованная символическая практика» (ritualized symbolic practice), предложенного американским социологом Д. Кноттнерусом, позволяет авторам уйти от необходимости теоретического разделения родственных

* **Алексей Дмитриевич Попов**, кандидат исторических наук, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, e-mail: popalex79@mail.ru

Aleksey Dmitrievich Popov, Candidate of Historical Sciences, Tyumen State University, Tyumen Russia, e-mail: popalex79@mail.ru

Екатерина Алексеевна Попова, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия, e-mail: kate0312popova@mail.ru

Ekaterina Alekseevna Popova, V.I. Vernadskiy Crimean Federal University, Simferopol, Russia, e-mail: kate0312popova@mail.ru

** Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 20-18-00342.

Funding: The study is supported by Russian Science Foundation, project No. 20-18-00342.

понятий «ритуал», «обряд», «обычай», «традиция», «церемония» и впервые дает возможность рассмотреть всю совокупность практиковавшихся в «Артеке» эмоционально нагруженных алгоритмов (сценариев) социальных действий, реализуемых в соответствии с определенными программами (схемами). Еще одним преимуществом такого подхода является возможность выстроить иерархию артековских ритуализованных символических практик: от внутригруппового взаимодействия нескольких человек до масштабных мероприятий, рассчитанных на глобальную аудиторию. В итоге авторы делают вывод, что, несмотря на очень благоприятные условия для идеологического и воспитательного воздействия, в «Артеке» также проявлялись неоднозначные явления, характерные для позднесоветского общества в целом: чрезмерная идеологизация и формализм, «теневые» и «нишевые» практики, в том числе направленные на перемещение в «зоны вневидимости».

Ключевые слова: пионерский лагерь, ритуал, церемония, ритуализованная символическая практика, идеология, воспитание, «Артек», Советский Союз.

Статья поступила в редакцию 01.10.2022 г.

---

*Артек представляется... гигантским кострищем,
где раз в год, по случаю приезда очередного вождя,
разводился жертвенный костер великой дружбы.*

(Быков Д. Правила поведения в раю // Огонек. 1993. № 16. С. 6)

Феномену советских пионерских лагерей посвящено значительное количество публикаций¹, дисциплинарно относящихся к таким направлениям исследований, как история педагогики, социология, культурная и социальная антропология. Однако лишь в единичных случаях авторы специально фокусируют свое внимание именно на символике и прагматике лагерных ритуалов². В частности, российская исследовательница Е.В. Абашкина рассматривает феномен советского пионерского лагеря с использованием концепции «тотальных институтов» (total institution) американского социолога Ирвинга Гофмана. Согласно такому подходу, в пионерском лагере, как и в других тотальных институтах (монастырях, интернатах, тюрьмах и др.), коллективизированы, регламентированы и подчинены решению общих задач все три сферы социального бытия индивида: работа, досуг и сон. Такая тотальная включенность в коллектив, постоянное нахождение среди других людей и отсутствие личного пространства якобы делают индивидов более управляемыми и подверженными внешнему (в том числе воспитательному) воздействию³.

Также существуют довольно многочисленные работы непосредственно по истории пионерского лагеря «Артек»⁴, повышенный интерес к которому со стороны исследователей

---

¹ Кудряшев А.В. Летние лагеря 1960-х – начала 1980-х гг.: в поисках свободы и романтики // Вестник Московского государственного педагогического университета. Сер.: Педагогика и психология. 2019. № 3. С. 111–120; Куприянов Б.В. Загородный детский лагерь в исторической ретроспективе // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Педагогика и психология. 2018. № 1. С. 86–97; Морозов В.Ю. Пионерский лагерь (гуманитарный и социологический аспект) и его оценка в современной историографии // Вояджер: мир и человек. 2017. № 8. С. 182–192; и др.

² Абашкина Е.В. «Линейка», «зарядка», «свечка»: воспроизводство порядка в ритуалах повседневности летнего лагеря // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2014. Вып. 1 (21). С. 94–100; Абашкина Е.В. Советский пионерский лагерь: от послевоенного к позднесоветскому (опыт качественного исследования) // Известия Саратовского университета. Новая серия: Социология. Политология. 2013. № 4. С. 55–59.

³ Абашкина Е.В. «Линейка», «зарядка», «свечка»... С. 96.

⁴ Абдулхаиров А.З. «Страна мечты» Артек: традиции, достижения и перспективы международного детского центра // Вестник Академии детско-юношеского туризма и краеведения. 2014. № 4. С. 81–94; Ефимова Е.А., Чернышов А.В. Опыт периодизации истории Артека в контексте рекреационно-педагогического освоения

вполне объясним. В советский период он рассматривался как эталонный и образцовый пионерский лагерь, а также один из наиболее известных за рубежом советских брендов. Именно поэтому «Артек» находился под постоянным контролем со стороны государственных органов власти и общественно-политических институций СССР. За счет концентрации значительных материальных и кадровых ресурсов в условиях круглогодичного функционирования он выступал как своеобразный «полигон» для апробации передовых методик и практик идейно-воспитательной работы, в том числе имеющих ритуализованный характер. Как отмечалось в постановлении Секретариата ЦК ВЛКСМ, посвященном 50-летию всемирно известного лагеря, ««Артек» ведет важную работу по воспитанию пионеров и школьников в духе ленинских заветов, преданности идеалам коммунизма, пролетарского интернационализма, способствует развитию их общественной и политической активности»⁵.

Важную роль для изучения данной темы имеют не только материалы Российского государственного архива социально-политической истории (фонд М-1 – ЦК ВЛКСМ), но и опубликованные сборники документов⁶, публикации в прессе, а также разнообразные эго-документы. Несмотря на большое количество работ об «Артеке» в целом, ритуальная сторона артековской деятельности в советский период требует дальнейшего изучения на основе новых методологических подходов. В данной статье для этих целей будет использована теория структурной ритуализации (*structural ritualization theory*), предложенная американским социологом Дэвидом Кноттнерусом (*David Knottnerus*)⁷ и позволяющая расширить и дополнить традиционную методологию изучения ритуалов, разработанную классиками социологии (Э. Дюркгейм, И. Гофман⁸ и др.), а также культурной и социальной антропологии (А. Ван Геннеп, В. Тёрнер и др.).

Прежде всего, следует обратить внимание на некоторые терминологические нюансы, связанные с соотношением понятий «обычай», «обряд», «традиция», «ритуал», «церемония». Так, ярко выраженное эмоционально-экзистенциальное содержание, а также очевидная взаимосвязь с сакральным считаются характерными чертами «ритуала»/«обряда», причем эти понятия выступают практически как синонимы. В советской культуре сакральное (священное) определялось от профанного (бытового, обыденного) на основе идеологического, а не религиозного мифа. В то же время понятия «обычай»/«традиция» характеризуют сложившуюся форму повседневно-бытового поведения, которая, по мнению ряда исследователей, может не иметь выраженного сакрального содержания. Что же касается понятия «церемония», то под ним большинство исследователей понимают масштабный и зрелищный ритуал, который может утрачивать свое эмоционально-экзистенциальное содержание за счет излишнего внимания к внешней показной фактуре⁹.

Однако применение такой классификации затрудняется тем, что отсутствует верифицируемая методика измерения наличия/отсутствия или уровня концентрации сакральности в конкретном коллективном действии. В контексте рассматриваемой темы интересен также концепт «ритуалы взаимодействия», обозначающий привычный, происходящий по определенному сценарию порядок взаимодействия индивидов в рамках какой-либо социальной

пространства Черноморского побережья от Гурзуфа до Аю-Дага // Таврический научный обозреватель. 2015. № 3/2. С. 11–15; Козлова А.В. Как воспитать пионеров самостоятельными и инициативными: педагогические тактики «Артека» и «Орленка» (1957–1991) // Антропологический форум. 2020. № 45. С. 75–115; Попов А.Д. Международная деятельность «Артека» в контексте детской дипломатии периода Холодной войны // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2018. № 2. С. 81–88. [Электронный ресурс]. URL: http://magistravitaejournal.ru/images/2_2018/popov.pdf (дата обращения: 12.09.2022); и др.

⁵ О 50-летию Всесоюзного пионерского лагеря «Артек» имени В.И. Ленина. Постановление Секретариата ЦК ВЛКСМ от 28 января 1975 г. // Документы ЦК ВЛКСМ. 1975. М., 1976. С. 187.

⁶ Крым. Артек. Страницы документальной истории. 1920–2020. М., 2020.

⁷ См.: *Knottnerus D.J.* Religion, ritual and collective emotion // *Collective emotions: Perspectives from psychology, philosophy and sociology*. Oxford, 2014. P. 312–325.

⁸ В ряде переводов на русский язык выдающийся американский социолог Ирвинг Гофман (*Erving Goffman*) называется Эрвином/Ирвином Гофманом/Гоффманом.

⁹ См., например: Глебкин В. Ритуал в советской культуре. М., 1998. С. 43; Доброниченко Е.В. Функционально-семантические границы ритуального пространства: к вопросу об определении понятий // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 6. С. 9–12.

ситуации. Индивид, по каким-либо причинам нарушивший такой алгоритм действий, вызывает непонимание и осуждение окружающих, вследствие чего испытывает чувство стыда, неловкости, смущения¹⁰. Однако более удачным, на наш взгляд, является предложенный Д. Кноттнерусом термин «ритуализированная символическая практика» (*ritualized symbolic practice*), который используется для описания эмоционально нагруженных алгоритмов (сценариев) социальных действий, реализуемых в соответствии с определенными программами (схемами). Таким образом, ключевым для Кноттнеруса, как и для Гофмана, является предопределенный запрограммированный характер социального действия. Что же касается внутреннего содержания, то на первый план выступает не сакральность, а коллективные эмоции, которые разделяются всеми участниками такого события. По мнению еще одного исследователя данного вопроса – Рэндалла Коллинза, для успешного совершения любого ритуала необходимы три составляющие: эмпирический контакт группы лиц, концентрация внимания в одном направлении, переживание одинаковых эмоций¹¹. При этом сами ритуализированные события могут значительно различаться по масштабам и реализовываться на различных уровнях социального порядка¹². Такой подход позволяет при анализе многочисленных и разнообразных артековских «обычаев», «обрядов», «традиций», «ритуалов», «церемоний» использовать для них «зонтичный» термин «ритуализованные символические практики», но ставит новые вопросы об их структурной морфологии.

В 1962 г. был издан сборник «Так живут в Артеке», подготовленный педагогическими работниками лагеря. Среди прочего, этот сборник содержал очерк «Наши традиции»¹³, где в достаточно произвольном порядке перечислялись и описывались многочисленные ритуализированные практики, культивируемые в «Артеке» того времени. При попытке их структурирования можно применить несколько подходов. Часть из них была связана с ритмичными циклами, как в рамках каждой лагерной смены (от приветственной встречи с цветами и сбора знакомств до прощального пионерского костра), так и в рамках каждого проведенного здесь дня (от подъема под звуки горна до вечернего «отбоя»). Другие носили календарный характер, т.е. были приурочены к определенным датам не только «большого» общесоюзного календаря (1 и 9 мая, 7 ноября), но и собственного артековского календаря (например, 16 апреля – день освобождения «Артека» от немецко-фашистских захватчиков). Наконец, многие из них интегрированы в артековскую повседневность и должны были воспроизводиться по традиционному сценарию в определенных ситуациях. В качестве примеров можно привести стандартные речевки болельщиков во время лагерных спортивных соревнований, торжественные встречи участников туристских походов, обязательное приветствие взрослых и пионеров из других отрядов при встрече, благодарность поварам после завершения трапезы в столовой и т.д. К традициям «Артека» в данном тексте причислялось даже поддержание чистоты и строгого порядка в комнатах, а также чрезвычайно популярная у артековцев спортивная игра с мячом «снайпер» (артбол, «выбивала»)¹⁴.

Помимо синкретизма артековских «обычаев»/«обрядов»/«традиций»/«ритуалов»/«церемоний», методологической проблемой, недостаточно отрефлексированной в работах предшественников, является многомерность самих артековцев как участников ритуализированных практик и объектов социально-антропологического анализа. В привычном представлении образ артековца, как и институциональная модель «Артека», представляется весьма упрощенно и одномерно. Артековцы воспринимаются как некая гомогенная каста избранных, представители которой каким-то образом добились возможности провести смену в пионерском лагере № 1, после чего получили право пожизненно гордиться этим фактом своей биографии и по возможности распространять полученные в «Артеке» знания, навыки,

¹⁰ См.: Гофман Э. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу. М., 2009.

¹¹ Collins R. Interaction ritual chains and collective effervescence // *Collective emotions: Perspectives from psychology, philosophy and sociology*. Oxford, 2014. P. 299.

¹² Knottnerus D.J. Religion, ritual and collective emotion... P. 312–313, 315.

¹³ Головкина З., Сарычева З. Наши традиции // Так живут в Артеке: сборник. М., 1962. С. 3–20.

¹⁴ Там же.

позитивные моральные интенции¹⁵. Однако для качественного анализа необходимо составить более многомерное представление о социальных статусах и ролевых моделях тех детей и подростков, которые побывали в «Артеке» в рассматриваемый нами период.

Примером подобного многомерного подхода может служить исследование Д.В. Димке о советском коммунаром движении 1960-х гг. В нем наглядно показано, что юные коммунары, помимо участия в практиках конкретной коммуны, были вовлечены в различные активности своего учебного заведения, пионерской дружины, компании друзей, семьи, что создавало почву для различного рода коллизий, зачастую перераставших в конфликты¹⁶. В случае с артековцами многомерность приобретала еще более выраженный характер. Во-первых, каждый из них имел определенное место в многоуровневой институциональной матрице «Артека», который в действительности представлял конгломерат нескольких лагерей (например, в конце 1940-х гг. их было 4, а с середины 1960-х – 10¹⁷), каждый из которых имел название, историю, символику, собственные традиции: «Горный», «Лазурный», «Прибрежный» и др. Пионеры из одного артековского лагеря делились на дружины (в крупных лагерях, например «Прибрежном», их могло быть несколько), далее – на отряды, которые в свою очередь разделялись на звенья. Во-вторых, широко практиковалось разделение артековцев по тематическому профилю, обуславливавшему определенный набор аттракций, клубных и кружковых занятий: юные моряки, юные помощники пограничников, юные журналисты (юнкоры), юные друзья искусства и т.д. В-третьих, если речь шла не о летних сменах, то также имело место разделение на классы в школе «Артека». Помимо этих групповых форм организации, конкретный артековец также мог иметь какие-то индивидуальные роли (председатель совета отряда, знаменосец, горнист, барабанщик).

Согласно концепции Д. Кноттнеруса, в отличие от популярных подходов социальных антропологов, ритуальные практики делятся не на основе их содержания и функционального назначения (искупительные ритуалы, имитационные ритуалы, ритуалы родства, ритуалы перехода), а по уровням. Исследователь выделяет следующие социальные уровни, каждому из которых могут соответствовать определенные ритуалы: отношения, сети, внутриорганизационные отношения, межорганизационные отношения, социальное расслоение, мировая система¹⁸. Адаптируя данный подход применительно к ритуализированным символическим практикам «Артека» в рассматриваемый период, можно предложить такую их структурную иерархию: уровень частного межличностного взаимодействия, уровень «вариативных» сетей (например, в рамках тематических профилей по интересам), уровень формализованных сообществ по иерархии «звено – отряд – лагерь», общеартековский уровень, общесоюзный уровень, международный (глобальный) уровень.

Интересно, что все эти уровни были связаны сквозными доминирующими символами, одним из которых являлся огонь/пионерский костер. В целом этот символ был одним из основных для всего советского пионерского движения. Однако именно в пионерских лагерях, в том числе в «Артеке», существовали благоприятные условия для превращения горящего костра из абстрактного символа в объективную реальность. Пионерские костры организовывались в «Артеке» как минимум дважды за смену. «Костер знакомств» был связан с ритуалом открытия смены, тогда как «прощальный костер» организовывался во время ее закрытия. Также костры могли разводиться в рамках каких-либо тематических мероприятий, проходящих в вечернее время на отрядном, лагерном, общеартековском уровнях. Например, в плане воспитательной работы «Артека» на 1964 г. говорилось о проведении «отрядных костров», посвященных 42-й годовщине пионерской организации (19 мая) и Дню советской

¹⁵ «Артековец сегодня / Артековец сегодня / Артековец всегда!» – строки одной из самых известных артековских песен.

¹⁶ См.: Димке Д. Юные коммунары, или Крестовый поход детей: между утопией декларируемой и утопией реальной // Острова утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е). М., 2015. С. 360–397.

¹⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 7. Д. 243. Л. 1; Оп. 67. Д. 194. Л. 96.

¹⁸ Knottnerus D.J. Religion, ritual and collective emotion... P. 320–322.

молодежи (28 июня)¹⁹. Кроме того, костры стали непременным атрибутом многочисленных всесоюзных слетов и международных детских фестивалей, проходивших на территории «Артека». Главная площадка, предназначенная для общего сбора пионеров каждого из артековских лагерей, обычно называлась «костровой», хотя здесь могли проводиться различные мероприятия и без использования огня – линейки, построения, награждения, вечера отдыха («массовки» или «свечки»)²⁰.

Одной из традиций «Артека», которая прослеживается на протяжении всего рассматриваемого периода, являлось сохранение углей от костра, горевшего во время закрытия смены. Этой практике, в частности, посвящен целый ряд артековских песен: «Момент отъезда недалек / Прощаться нам пора / Возьму на память уголек / Священного костра...»²¹. Однако интерпретации этого ритуала на разных уровнях заметно отличались. На микроуровне частного взаимодействия этот сохраненный уголек являлся предметом, стимулирующим воспоминания о времени, проведенном в лагере вместе с приобретенными артековскими друзьями. Одновременно могли возникать сопутствующие ритуалы, например, завязывание во время горения костра нитки на запястье того, кто вызывал симпатию. На формализованном общеартековском уровне костер являлся символом очищения, реинкарнации, вечной энергии пионерского движения и советского идеологического проекта в целом: «Артек, Артек, Артек! / Страна пионерского счастья! / Пламя наших костров, / Пламя наших костров / Погасить никому не удастся!»²². Во время международных мероприятий, проходивших с участием иностранных гостей, возникали новые глобальные интерпретации: «все участники международной смены, помимо медалей и дипломов, получили угольки от [пионерского] костра с тем, чтобы от них во всех концах мира зажглись новые костры дружбы»²³. В качестве сопутствующей практики иногда имело место сжигание в горящем костре предметов, символизовавших негативные явления международного уровня: неонацизм, колониализм, империализм, гонку вооружений²⁴.

Учитывая особую роль «Артека» в идеологической и воспитательной работе, неудивительно, что здесь происходило достаточно активное «изобретение традиций» ритуально-символического характера. Некоторые из них соответствовали типичной для советского проекта мобилизационной логике. Так, артековцы предыдущей смены могли дать письменный наказ следующей смене выполнить какое-то общественно-полезное задание (сделать своими руками настольные игры, высадить аллею кипарисов, построить новые шлюпки для морской флотилии или даже участвовать в строительстве новых артековских корпусов)²⁵. Другие ритуализированные практики отличались большим креативом и не имели прямых аналогов за пределами «Артека».

В 1958 г. «Артек» был окончательно передан в сферу управления ЦК ВЛКСМ, а также официально получил статус международного лагеря²⁶. Эти институциональные изменения свидетельствовали о том, что рекреационно-оздоровительное направление в деятельности «Артека» постепенно утрачивало приоритетность, а на первое место выдвигались задачи, связанные с пропагандой коммунистической идеологии и культурной дипломатией. Во время ежегодной международной смены, традиционно проходившей в июле-августе, сложившиеся в «Артеке» ритуальные практики приобретали глобальный контекст. Именно во время этой смены, один раз в году, происходила символическая отправка писем с помо-

¹⁹ Крым. Артек. Страницы документальной истории... С. 456–457.

²⁰ Малая артековская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://artekovetc.ru/company1.html> (дата обращения: 10.09.2022).

²¹ Чекмарев К. Неизвестный «Артек», 1957 год. Ч. 8-я [Электронный ресурс]. URL: http://artekovetc.ru/0kip1957_8.html (дата обращения: 10.09.2022).

²² Когда поет Артек: песни Артека, песни в Артеке, песни об Артеке. М., 2010. С. 129.

²³ Остапенко Г. Праздник юных // Правда. 1959. 29 июля.

²⁴ Подробнее см.: Попов А.Д. Печи Освенцима и пепел Хиросимы: страх войны в режиссуре советских массовых мероприятий 1950–1980-х годов // Новое литературное обозрение. 2020. № 2. С. 146–149.

²⁵ Головкина З., Сарычева З. Наши традиции... С. 12; Крым. Артек. Страницы документальной истории... С. 437–438.

²⁶ Попов А.Д. Международная деятельность «Артека»... С. 81.

щью так называемой «бутылочной почты». Запечатанные бутылки с посланиями артековцев выбрасывались с борта корабля в нейтральных водах Черного моря, чтобы, подобно посланиям из приключенческих романов Даниэля Дефо и Жюль Верна, найти своих адресатов на далеких зарубежных берегах²⁷. Однако и здесь над артековцами довлела их глобальная миссия, связанная с пропагандой социалистических идей и борьбой за дело мира во всем мире. В середине 1980-х гг., отправляя послание в рамках артековского ритуала «бутылочной почты», пионер из Киргизской ССР Бекзата Джумбаев посчитал необходимым адресовать свое письмо непосредственно Президенту США Рональду Рейгану. В тексте письма он написал: «Господин президент, у меня восемь братьев и сестер. Наша семья не хочет войны... Я познакомился в Артеке с американской девочкой Самантой Смит и теперь точно знаю, что в вашей стране есть много честных людей, которые, как и мы, не хотят войны»²⁸.

Как уже было показано на примере с «костровыми» площадками, реализация ритуализованных символических практик требовала не только набора определенных символов и мифов, но и материальной инфраструктуры, опыт создания которой мог быть как удачным, так и неудачным. В соответствии с советскими идеологическими установками рассматриваемого периода значительную роль в жизни лагеря занимали практики, связанные с культом В.И. Ленина, чье имя «Артек» носил с 1957 по 1991 г. Однако обычно они проходили в стандартных, лишенных креатива формах, таких как тематические беседы, киноэкскурсии по ленинским местам, трудовые воскресники/субботники, приуроченные к дате рождения «вождя мирового пролетариата» (22 апреля)²⁹. Сооружаемый на территории «Артека» грандиозный памятник-монумент В.И. Ленину, отдельные архитектурные элементы которого достигали высоты 42 м, из-за целого комплекса объективных причин превратился в типичный позднесоветский «мемориальный долгострой». Данный объект был торжественно открыт в упрощенном относительно первоначального проекта виде только в 1985 г. и так и не стал полноценным центром ритуализованных символических практик общеартековского уровня.

В то же время в «Артеке» большое распространение получили масштабные мемориативные практики, связанные с памятью о Великой Отечественной войне. Во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. здесь окончательно сформировался мемориальный культ Неизвестного матроса³⁰ и известных героев-артековцев, погибших в годы Великой Отечественной войны (Володя Дубинин, Витя Коробков, Гуля Королева и др.). На артековской территории были созданы соответствующие мемориальные сооружения: памятник Неизвестному матросу (торжественно открыт в 1962 г., реконструирован в 1975 г.) и мемориал погибших героев-артековцев (так называемый «Холмик Славы», открыт в 1957 г.). Проходя строем мимо этих мемориальных объектов, артековцы отдавали пионерский салют. Также они использовались на отрядном, лагерном, общеартековском уровне для совершения ритуалов поминовения (возложение цветов, «минута молчания»), которые часто дополнялись произнесением символических клятв или рапортов, иногда факельными шествиями³¹. По воспоминаниям Л.В. Яшуниной, являвшейся заместителем директора «Артека» в начале 1960-х гг., сразу после открытия памятника Неизвестному матросу артековцы возлагали к нему стандартные букеты цветов. Однако затем настало время ритуальных инноваций. Для достижения большего воспитательного эффекта руководство лагеря приняло решение во время мемориальных мероприятий коллективно возлагать к этому памятнику «гирлянды славы» из зелени и цветов, увитые гвардейскими лентами³², причем эта традиция успешно закрепились³³.

²⁷ Малая артековская энциклопедия...

²⁸ Залюбовская М.Е. Возьми мой адрес... Очерки и рассказы. Киев, 1986. С. 87.

²⁹ Яшунина Л.В. Живые истоки [Электронный ресурс]. URL: <http://artekovets.ru/book10.html> (дата обращения: 10.09.2022).

³⁰ Близкие к мифологическим интерпретации появления культа Неизвестного матроса в «Артеке» см., напр.: Степанов В. Баллада о матросе // Пионерская правда. 1969. 29 июля.

³¹ См., например: Матвеева Т. Контрасты «Артека» // Правда. 1969. 25 июня; Остапенко Г. Праздник юных...; РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 68. Д. 197. Л. 69.

³² Яшунина Л.В. Живые истоки...

³³ Стрибук В., Джакаева Т. Артек: от А до Я: малая энциклопедия. Симферополь, 2013. С. 38–39.

В целом все описанные выше ритуализированные символические практики были направлены на формирование и закрепление качеств и навыков, которые, как представлялось, должен был иметь идеальный советский субъект. В этом контексте пионерский лагерь как социальный институт был инкорпорирован с пионерской организацией, которая являлась институтом политическим. С его помощью Коммунистическая партия прививала подрастающему поколению идейно-нравственные установки, воспитывая тем самым достойного советского гражданина³⁴. «Школа гражданственности, коллективизма, дружбы, интернационализма – вот что такое для детей “Артек”», – утверждал один из авторов газеты «Правда»³⁵. Однако в реальности артековская система, конструирувавшаяся как идеальная, столкнулась с некоторыми неоднозначными проявлениями, особенно заметными на микроуровне.

Напряженные отношения могли возникать в ходе проведения различных мероприятий, связанных с конкурентной борьбой между артековскими лагерями и отрядами. Стремление «отстоять честь» своего лагеря/отряда иногда принимало гипертрофированные формы и оказывалось сильнее установок о безусловном единстве «артековской семьи». Так, бывший артековец 1957 г. Константин Чекмарев вспоминает, что только на общеартековском прощальном костре ощутил некое единство всех собравшихся, тогда как до этого на протяжении всей смены наблюдалось определенное «разделение на наших и не наших», особенно во время спортивных соревнований³⁶. После расширения и реконструкции 1960-х гг., когда в «Артеке» в летние месяцы могло одновременно находиться до 4,5 тыс. артековцев из 10 лагерей, эта гетерогенность могла еще более усиливаться.

Также при проведении многочисленных артековских мероприятий самого разного уровня, от отрядных до международных, мог проявляться откровенный формализм. Так, запись на конкретные тематические профили могла осуществляться по разрядке, без учета личных пожеланий и способностей. Программа пребывания в лагере могла быть особо перегружена участием в репетициях, смотрах, показательных выступлениях и конкурсах, тогда как рекреационной составляющей пребывания в лагере не уделялось достаточного внимания³⁷. Побывавшая в конце 1960-х гг. в «Артеке» Ирина Хакамада уже в постсоветский период так вспоминала этот эпизод своей биографии: «С утра до ночи мы участвовали в парадах, маршах, не успевали ни отдыхать, ни купаться в море...»³⁸.

Определенные дефекты могли проявляться и в системе распределения путевок, что отмечалось в некоторых официальных документах³⁹, публикациях в прессе⁴⁰, воспоминаниях самих артековцев. Один из них, побывавший в легендарном лагере в 1974 г., вспоминает следующее: «Из Закавказских республик и Узбекистана половина приходилась на “блатных”, которые попали в “Артек” благодаря связям родителей и деньгам <...> Многим из “блатных” в “Артеке” не нравилось, они были малоактивны, выпадали из коллектива, скучали. Отряд состоял из 30 человек, человек семь “блатные”»⁴¹.

Наконец, доминирование идиллических репрезентаций артековской повседневности не исключает тот факт, что на микроуровне здесь культивировались различные полуформальные и неформальные практики. Как утверждает Е.В. Абашкина, именно неформальные ритуалы создают уникальную, запоминающуюся и привлекательную для детей и подростков атмосферу, что было характерно для советских пионерских лагерей и остается актуальным для современных детских лагерей. К числу таких ритуалов она относит рассказывание страшных историй после отбоя, исполнение других специфических фольклорных произведе-

³⁴ Абашкина Е.В. Советский пионерский лагерь... С. 56.

³⁵ Матвеева Т. Контрасты «Артека»...

³⁶ Чекмарев К. Неизвестный «Артек», 1957 г. Ч. 8...

³⁷ Матвеева Т. Контрасты «Артека»...

³⁸ Хакамада И. Я пытаюсь изменить свою карму [Электронный ресурс]. URL: <https://interviewmg.ru/1735/> (дата обращения: 11.09.2022).

³⁹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 4. Д. 2598. Л. 102–103.

⁴⁰ Матвеева Т. Контрасты «Артека»...

⁴¹ Каким был советский «Артек»? Воспоминания артековца из дружины «Янтарной» [Электронный ресурс]. URL: <https://ivanov-1980.livejournal.com/25146.html> дата обращения: 10.09.2022).

ний, намазывание спящих соотрядников зубной пастой, а также все, что касается романтического общения с противоположным полом (дискотеки, свидания)⁴². «Идеальный», образцовый пионерский лагерь «Артек» в этом отношении не являлся исключением.

В условиях советского пионерского лагеря как тотального института так называемая «внеаходимость»⁴³ могла иметь две проекции: пространственную (связанную с местом, локацией) и темпоральную (связанную со временем). Артековец конца 1950-х гг. Константин Чекмарев в своих воспоминаниях подробно описывает акт своего «грехопадения», когда, пользуясь общественным статусом физорга отряда, по дороге со стадиона он неоднократно сбегал на «дикий пляж», где тайком купался в море вместе с обычными отдыхающими. Примечательно, что когда это стало известно администрации лагеря, то назначенное наказание находилось в ритуально-символической плоскости: провинившийся пионер был лишен права на традиционное фотографирование у развернутого артековского знамени⁴⁴.

Время темпоральной «внеаходимости» в «Артеке» длилось от сигнала «отбой» и до сигнала «подъем». Здесь следует отметить, что все ключевые события в ежедневной жизни артековского отряда (подъем, утренний сбор отряда, начало завтрака, обеда, полдника, ужина, линейка, «ко сну», «отбой») происходили после стандартных музыкальных сигналов, издаваемых с помощью горна (иногда также барабана). В позднесоветский период, помимо «живого» исполнения, часто транслировались записи этих композиций через систему репродукторов⁴⁵. Как вспоминает один из артековцев середины 1970-х гг.: «...после отбоя в 22.00 было наше время. Битвы на подушках, перья и пух во все стороны летели. Рассказы веселых историй, а порой и страшных. Смех. Но вот выход из своей комнаты был категорически запрещен, исключение туалет. Мазать друг друга зубной пастой было категорически запрещено, я одного... намазал, нас потом директор дружины полчаса пытал, кто это сделал»⁴⁶.

Судя по воспоминаниям некоторых бывших артековцев, даже с учетом некоторых «теневых» сторон жизни легендарного лагеря они оценивали свое пребывание в «Артеке» как своеобразное «погружение в коммунизм»⁴⁷. Это заставляет задуматься о том, насколько происходившее «на планете Артек» в 1950–1980-е гг. отличалось от происходящего за пределами его территории. Опыт пребывания в самом известном пионерском лагере СССР, несмотря на всю его кажущуюся элитарность и небанальность, в целом соответствовал опыту любого позднесоветского субъекта, который был постоянно вовлечен в многоуровневые ритуализованные символические практики, которые должны были способствовать выработке эмоциональной энергии и через чувство солидарности выполнять определенные внутривнутриполитические и внешнеполитические задачи⁴⁸.

По всей видимости, в «Артеке» уровень идеологически правильных коллективных эмоций был выше, чем в целом по стране, что достигалось за счет максимально удачного сочетания целого ряда факторов. Прежде всего, несмотря на определенные сбои в процедуре отбора, основную массу артековцев все же составляли общественно активные, успешные в учебе и внеучебной деятельности представители подрастающего поколения СССР, которые изначально были удачным «материалом» для воспитательного и идеологического воздействия. Эффективность работы с ними еще более усиливалась за счет эффекта «тотального института», который в «Артеке» был более выраженным, чем в типичных советских пионерских лагерях, за счет его круглогодичной работы и увеличенной продолжительности смен. К тому же детский и подростковый возраст всегда отличает повышенная восприимчивость и

⁴² Абашкина Е.В. «Линейка», «зарядка», «свечка»... С. 96–98.

⁴³ Подробнее о концепте «внеаходимость» применительно к позднесоветскому периоду см.: Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014. С. 255–310.

⁴⁴ Чекмарев К. Неизвестный Артек, 1957 год. Ч. 6-я. О море и диком пляже [Электронный ресурс]. URL: http://artekovets.ru/0kip1957_6.html (дата обращения: 10.09.2022).

⁴⁵ Когда поет Артек: песни Артека, песни в Артеке, песни об Артеке. М., 2005. С. 613, 620–623.

⁴⁶ Каким был советский «Артек»?..

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Подробнее о некоторых позднесоветских ритуализованных практиках и их восприятии советскими гражданами см.: Юрчак А. Это было навсегда... С. 165–255.

более выраженный идеализм. Наконец, свою роль играли интенсивность и масштабность ритуализованных практик, для реализации которых здесь привлекались очень значительные материальные, кадровые, символические ресурсы. Однако, несмотря на такие благоприятные условия, в жизни «Артека» могли проявляться неоднозначные явления, характерные для позднесоветского общества в целом: чрезмерная идеологизация и формализм, «теневые» и «нишевые» практики, в том числе направленные на перемещение в «зоны вневходимости».

Литература

Абашкина Е.В. Советский пионерский лагерь: от послевоенного к позднесоветскому (опыт качественного исследования) // Известия Саратовского университета. Новая серия: Социология. Политология. 2013. № 4. С. 55–59.

Абашкина Е.В. «Линейка», «зарядка», «свечка»: воспроизводство порядка в ритуалах повседневности летнего лагеря // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2014. Вып. 1 (21). С. 94–100.

Абдулхаиров А.З. «Страна мечты» Артек: традиции, достижения и перспективы международного детского центра // Вестник Академии детско-юношеского туризма и краеведения. 2014. № 4. С. 81–94.

Глебкин В. Ритуал в советской культуре. М.: Янус-К, 1998. 168 с.

Головкина З., Сарычева З. Наши традиции // Так живут в Артеке: сборник. М.: Молодая гвардия, 1962. С. 3–20.

Гофман Э. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу / пер. с англ.; под ред. Н.Н. Богомоловой, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2009. 319 с.

Димке Д. Юные коммунары, или Крестовый поход детей: между утопией декларируемой и утопией реальной // Острова утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е). М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 360–397.

Добронищенко Е.В. Функционально-семантические границы ритуального пространства: к вопросу об определении понятий // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 6. С. 7–12.

Ефимова Е.А., Чернышов А.В. Опыт периодизации истории Артека в контексте рекреационно-педагогического освоения пространства Черноморского побережья от Гурзуфа до Аю-Дага // Таврический научный обозреватель. 2015. № 3/2. С. 11–15.

Залюбовская М.Е. Возьми мой адрес... Очерки и рассказы. Киев: Молодь, 1986. 94 с.

Когда поет Артек: песни Артека, песни в Артеке, песни об Артеке / авт.-сост. А.В. Чернышов; под общ. ред. Н.Д. Оконовой. 2-е изд. М.: Редакция журнала «Пионер», 2010. 1024 с.

Когда поет Артек: песни Артека, песни в Артеке, песни об Артеке / авт.-сост. А.В. Чернышов; под общ. ред. Н.Д. Оконовой. М.: Лана, 2005. 784 с.

Козлова А.В. Как воспитать пионеров самостоятельными и инициативными: педагогические тактики «Артека» и «Орленка» (1957–1991) // Антропологический форум. 2020. № 45. С. 75–115.

Крым. Артек. Страницы документальной истории. 1920–2020 / сост. Н.Д. Оконова, Н.М. Пронина. М.: Научно-политическая книга, 2020. 1007 с.

Кудряшев А.В. Летние лагеря 1960-х – начала 1980-х гг.: в поисках свободы и романтики // Вестник Московского государственного педагогического университета. Сер.: Педагогика и психология. 2019. № 3. С. 111–120.

Куприянов Б.В. Загородный детский лагерь в исторической ретроспективе // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Педагогика и психология. 2018. № 1. С. 86–97.

Морозов В.Ю. Пионерский лагерь (гуманитарный и социологический аспект) и его оценка в современной историографии // Вояджер: мир и человек. 2017. № 8. С. 182–192.

Попов А.Д. Международная деятельность «Артека» в контексте детской дипломатии периода Холодной войны // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2018. № 2. С. 81–88. URL: http://magistravitaejournal.ru/images/2_2018/popov.pdf (дата обращения: 12.09.2022).

Попов А.Д. Печи Освенцима и пепел Хиросимы: страх войны в режиссуре советских массовых мероприятий 1950–1980-х годов // Новое литературное обозрение. 2020. № 2 (162). С. 140–157.

Стрибук В., Джакаева Т. Артек: от А до Я: малая энциклопедия. Симферополь: Салта ЛТД, 2013. 235 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.

Collins R. Interaction ritual chains and collective effervescence // *Collective emotions: Perspectives from psychology, philosophy and sociology* / ed. by Ch. von Scheve, M. Salmela. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 299–311.

Knottnerus D.J. Religion, ritual and collective emotion // *Collective emotions: Perspectives from psychology, philosophy and sociology* / ed. by Ch. von Scheve, M. Salmela. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 312–325.

References

Abashkina, E.V. (2013). Sovetskiy pionerskiy lager': ot poslevoennogo k pozdnesovetskomu (opyt kachestvennogo issledovaniya) [Soviet Pioneer Camp: From Post-War to Late Soviet (Experience in Qualitative Research)]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya: Sotsiologiya. Politologiya*. No. 4, pp. 55–59.

Abashkina, E.V. (2014). “Lineika”, “zaryadka”, “svechka”: vosproizvodstvo poryadka v ritualakh povsednevnosti letnego lagerya [“Meeting”, “Morning Exercises”, “Candle”: Reproduction of Order in the Rituals of Everyday Life of the Summer Camp]. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii*. No. 1 (21), pp. 94–100.

Abdulkhairov, A.Z. (2014). “Strana mechty” Artek: traditsii, dostizheniya i perspektivy mezhnunarodnogo detskogo tsentra [“Dream Country” Artek: Traditions, Achievements and Prospects of the International Children’s Center]. In *Vestnik Akademii detsko-yunosheskogo turizma i kraevedeniya*. No. 4, pp. 81–94.

Chernyshov, A.V. (Eds.). (2005). *Kogda poet Artek: pesni Arteka, pesni v Arteke, pesni ob Arteke* [When Artek Sings: Artek Songs, Songs in Artek, Songs about Artek]. Moscow, Lana. 784 p.

Chernyshov, A.V. (Eds.). (2010). *Kogda poet Artek: pesni Arteka, pesni v Arteke, pesni ob Arteke* [When Artek Sings: Artek Songs, Songs in Artek, Songs about Artek]. Moscow, Pioneer. 1024 p.

Collins, R. (2014). Interaction ritual chains and collective effervescence. In *Collective emotions: Perspectives from psychology, philosophy and sociology*. Oxford, pp. 299–311.

Dimke, D. (2015). Yunye kommunary, ili Krestovyy pokhod detey: mezhdu utopiey deklariruemoy i utopiey real'noy [Young Communards, or the Crusade of Children: Between the Declared Utopia and the Real Utopia]. In *Ostrova utopii: Pedagogicheskoe i sotsial'noe proektirovaniye poslevoennoy shkoly (1940–1980-e)*. Moscow, pp. 360–397.

Dobronichenko, E.V. (2013). Funktsional'no-semanticheskie granitsy ritual'nogo prostranstva: k voprosu ob opredelenii ponyatiy [Functional-Semantic Boundaries of Ritual Space: To the Question of Definition of Concepts]. In *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 6, pp. 7–12.

Efimova, E.A., Chernyshov, A.V. (2015). Opyt periodizatsii istorii Arteka v kontekste rekreatsionno-pedagogicheskogo osvoeniya prostranstva Chernomorskogo poberezh'ya ot Gurzufa do Ayu-Daga [Experience in Periodization of the History of Artek in the Context of Recreational and Pedagogical Development of the Black Sea Coast from Gurzuf to Ayu-Dag]. In *Tavricheskiy nauchnyi obozrevatel'*. No. 3/2, pp. 11–15.

Glebkin, V. (1998). *Ritual v sovetskoy kul'ture* [Ritual in Soviet Culture]. Moscow, Yanus-K. 168 p.

Goffman, E. (2009) *Ritual vzaimodeistviya: Ocherki povedeniya litsom k litsu* [Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior]. Moscow, Smysl. 319 p.

Golovkina, Z., Sarycheva, Z. (1962). *Nashi traditsii [Our Traditions]*. In *Tak zhivut v Arteke*. Moscow, pp. 3–20.

Knottnerus, D.J. (2014). Religion, ritual and collective emotion. In *Collective emotions: Perspectives from psychology, philosophy and sociology*. Oxford, pp. 312–325.

Kozlova, A.V. (2020). *Kak vospitat' pionerov samostoyatel'nymi i initsiativnymi: pedagogicheskie taktiki "Arteka" i "Orlenka" (1957–1991) [How to Educate Pioneers as Independent and Initiative: Pedagogical Tactics of "Artek" and "Orlenok" (1957–1991)]*. In *Antropologicheskii forum*. No. 45, pp. 75–115.

Kudryashev, A.V. (2019). *Letnie lagerya 1960 – nachala 1980 gg.: v poiskakh svobody i romantiki [Summer Camps of the 1960s – Early 1980s: In Search of Freedom and Romance]*. In *Vestnik MGPU. Seriya: Pedagogika i psikhologiya*. No. 3, pp. 111–120.

Kupriyanov, B.V. (2018). *Zagorodnyy detskiy lager' v istoricheskoy retrospektive [Country Children's Camp in Historical Retrospective]*. In *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya*. No. 1, pp. 86–97.

Morozov, V.Yu. (2017). *Pionerskiy lager (gumanitarnyy i sotsiologicheskii aspekt) i ego otsenka v sovremennoy istoriografii [Young Pioneer Camp (Humanitarian and Sociological Aspect) and Its Assessment in Modern Historiography]*. In *Voyadzher: mir i chelovek*. No. 8, pp. 182–192.

Okonova, N.D., Pronina, N.M. (Eds.). (2020). *Krym. Artek. Stranitsy dokumental'noy istorii. 1920–2020 [Crimea. Artek. Pages of Documentary History]*. Moscow, Nauchno-politicheskaya kniga. 1007 p.

Popov, A.D. (2018). *Mezhdunarodnaya deyatelnost' "Arteka" v kontekste detskoj diplomatii perioda Kholodnoy voyny [Artek's International Activities in the Context of the Cold War Child Diplomacy]*. In *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii*. No. 2, pp. 81–88. Available at: URL: http://magistravitaejournal.ru/images/2_2018/popov.pdf (date of access 12.09.2022).

Popov, A.D. (2020). *Pechi Osventsima i pepel Khirosimy: strakh voyny v rezhissure sovet-skikh massovykh meropriyatiy 1950–1980-kh godov [Auschwitz Ovens and Hiroshima Ashes: Fear of War in Directing Soviet Mass Events of the 1950s and 1980s]*. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 2 (162), pp. 140–157.

Stribuk, V., Dzhakaeva, T. (2013). *Artek: ot A do Ya: malaya entsiklopediya [Artek: From A to Z: A Small Encyclopedia]*. Simferopol', Salta LTD. 235 p.

Yurchak, A. (2014). *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie [Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 664 p.

Zalyubovskaya, M.E. (1986). *Voz'mi moy adres: Ocherki i rasskazy [Take My Address: Essays and Short Stories]*. Kiev, Molod'. 94 p.